

АЛЕКСАНДРА ВЕТРОВА

ОН ХОЧЕТ
её покорить

ОН ХОЧЕТ
её спасти

Альтушка
и
ДВА МАЖОРА

18+

Александра Ветрова

Альтушка и два мажора

<https://litres.ru/74278639>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она — художница, которая рисует на заборах и мечтает о галереях. Они — двое заклятых друзей, привыкших покупать всё, включая людей. Случайность сталкивает их в пыльном бетонном лабиринте стройки. Она слышит их тайны. Они видят её дерзость. Чтобы заткнуть ей рот, они предлагают сделку: она пишет их портреты для благотворительного аукциона, они платят бешеные деньги. Но в процессе работы за масками циника и холодного интеллектуала она разглядит раненых мальчишек. А они в её упрямстве — единственное, что не продаётся. Между ними вспыхивает влечение, которое невозможно контролировать. Но когда Лиза узнаёт, что между Денисом и Кириллом был спор — кто из них сможет её завоевать первой, — игра превращается в битву характеров. Ставка — не деньги. Ставка — настоящая любовь. Но можно ли полюбить того, кто купил тебя, даже не сказав об этом?

Содержание

Глава 1. Встреча	4
Глава 2. Шесть вечера в «Барроуз»	13
Глава 3. Первый мазок	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Альтушка и два мажора

Глава 1. Встреча

Лиза ненавидела этот запах. Не тот, что исходил от банок с акриловой краской, — к нему она привыкла за годы работы, он стал почти родным, смешиваясь с запахом сырого цемента и уличной пыли. Она ненавидела запах «новых денег» — приторный, сладковатый аромат дорогого парфюма, смешанный с запахом кожи и престижного автомобиля. Этот запах всегда предвещал беду для таких, как она.

Она стояла на строительных лесах, в старых джинсах, вымазанных охрой и умброй, и огромной футболке, которая когда-то была белой, а теперь представляла собой палитру всех цветов радуги. Под ногами зияла пустота новостройки, и эхо от её движений разносилось по бетонным стенам. Лиза заканчивала эскиз для фрески в холле элитного жилого комплекса. Работа была рутинной, скучной, но хорошо оплачиваемой. Начальник стройки, толстый мужик с вечно влажными ладонями, уже час как уехал, оставив её одну доделывать контуры огромного абстрактного цветка, который должен был олицетворять «процветание и достаток».

«Процветание и достаток, — горько усмехнулась она про себя, проводя кистью по шершавой стене. — Идиотизм. Цветок, похожий на распухший пион, будет встречать жильцов,

которые платят за квадратный метр больше, чем я зарабатываю за год».

Она всегда мечтала о большом холсте, о свете софитов в галерее, о шёпоте восхищения. Но реальность была другой: заборы, подъезды, и вот теперь — этот дурацкий пион. Она жила в крошечной квартирке-студии на окраине, где спальное место отделялось от рабочего только ширмой, заваленной этюдниками. Каждый день был борьбой за выживание, и каждый день она смотрела на мир сквозь призму своего искусства, которое никто не хотел покупать.

Она спустилась вниз, чтобы поправить натянутую верёвку, служащую уровнем, как вдруг из-за поворота, где только что закончили монтировать стеклянные двери, послышались голоса. Голоса были мужские, уверенные, властные. Они нарушали тишину стройки, как нарушают покой лесного озера фальшивые трели мобильных телефонов.

— Я тебе говорю, это просто смешно, Кирилл, — голос был низким, с хрипотцой, такой голос бывает у людей, привыкших приказывать и не терпящих возражений. — Твой отец опять пытается впихнуть нам этот проект. Я не буду вкладывать деньги в очередной «социально-значимый» мусор, чтобы сделать ему приятно.

— Денис, ты прекрасно знаешь, что проект валидный, — второй голос звучал холодно, отстранённо, словно его обладатель разговаривал с неразумным ребёнком. В нём чувствовалась интеллигентская выучка, привычка взвешивать каж-

дое слово. — Дело не в отце. Дело в математике. Ты просто не хочешь ничего считать, тебе нравится работать на интуиции, как базарной торговке.

Лиза замерла. Она услышала шаги. Двое мужчин вышли из-за колонны и остановились прямо под её лесами. Они были настолько не вписывались в это серое бетонное пространство, что это казалось галлюцинацией.

Первый, тот, что был с хрипотцой, — высокий, широкоплечий, с тёмными, чуть отросшими волосами, которые он небрежно зачесал назад. На нём была простая, но безумно дорогая футболка, обтягивающая рельефную фигуру, и джинсы, сидящие идеально. Он двигался резко, порывисто, как хищник, который ищет, кого бы укусить. Его глаза, цвета тёмного шоколада, горели азартом и раздражением. Это был Денис — как позже узнает Лиза, человек, который построил свою империю на скупке обанкротившихся заводов и не гнушался ничем.

Второй — Кирилл — был его полной противоположностью. Он был собран, как швейцарский часовой механизм. Идеальный костюм от Brioni, очки в тонкой металлической оправе, скрывающие пронизательные серые глаза. Его светлые волосы были аккуратно уложены. Он стоял неподвижно, скрестив руки на груди, и его спокойствие было опаснее, чем ярость Дениса.

— Ты — высокомерный сноб, который думает, что все вокруг — идиоты, — огрызнулся Денис, делая шаг вперёд, со-

кращая расстояние между ними до опасного минимума. — Ты сидишь в своей башне из слоновой кости, рисуешь графики и думаешь, что это и есть жизнь. А жизнь, Кирилл, — это когда ты берёшь и делаешь. Когда ты можешь купить всё, что видишь вокруг. Или продать.

— Ты патологический циник, Денис, — тихо, с ледяным спокойствием парировал Кирилл. — Это твоё главное оружие и твоя главная слабость. Ты не веришь никому. Даже себе.

— А тебе отец верит? — Денис усмехнулся, и в этой усмешке было столько боли и злобы, что у Лизы перехватило дыхание. — Он купил тебе образование, он купил тебе связи, он купил тебе этот дурацкий костюм. И он купил тебе место в совете директоров. А теперь ты хочешь сказать, что ты не такой, как все? Что ты — «настоящий» бизнесмен?

В этот момент Кирилл, который до этого был неподвижен, как статуя, сделал одно движение. Он снял очки и медленно протер их платком. И в этом жесте, в этой паузе, Лиза увидела то, что было скрыто за маской холодного интеллектуала. Усталость. Глубокая, всепоглощающая усталость человека, который играет роль, ненавистную ему самому.

— Заткнись, — тихо сказал Кирилл. — Ты не знаешь ни меня, ни моей семьи.

— Я знаю твоего отца, — не унимался Денис. — Он старый козёл, который растит себе замену. И ты будешь таким же, Кирилл. Таким же бездушным роботом, который считает

деньги, а не людей.

Лиза не выдержала. Она не знала, что на неё нашло. Может быть, усталость, может быть, чувство собственного достоинства, которое она так тщательно оберегала от всего мира, а может быть, банальное отвращение к тому, что эти двое, стоящие здесь, в пыли и строительном мусоре, обсуждают свои миллиардные дела так, будто они одни во вселенной.

Она сделала резкий шаг, чтобы спуститься с лесов, но нога поскользнулась на старой доске. Раздался грохот. Баночка с растворителем, стоявшая на краю, опрокинулась и, пролетев пару метров, разбилась прямо между ними. Вонь химии резко перебила запах их дорогого парфюма.

Оба мужчины мгновенно замолчали. Четыре глаза уставились на неё. Денис — с изумлением и злостью, Кирилл — с любопытством и лёгкой тенью усмешки.

— Ты кто? — рявкнул Денис, в его голосе не было и намёка на вежливость. — Ты что здесь делаешь? Ты слышала, что мы говорили?

Лиза, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле, гордо вздёрнула подбородок. Она вся была в краске, в пыли, но её глаза горели огнём, которого они, вероятно, не видели никогда.

— Я художник, — сказала она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я здесь работаю. И если вы не заметили, это место — строительная площадка. Здесь могут быть люди. Нечего обсуждать свои грязные делишки при всех.

Денис усмехнулся, но в этой усмешке промелькнуло что-то новое. Интерес.

— Ого. Какая смелая. Ты знаешь, кто мы?

— Мне плевать, — отрезала Лиза, хотя внутри всё дрожало. — Вы мне не начальники. Я здесь работаю на подрядчика. И я не собираюсь вас слушать. У вас что, других мест нет, чтобы выяснять отношения?

Кирилл сделал шаг к ней. Его взгляд был тяжёлым, пронизывающим. Он не смотрел на неё как на пустое место. Он смотрел так, будто видел её насквозь. Пронзительно, до мурашек на коже. Лиза почувствовала, как по её спине пробежал холодок, и этот холодок не был вызван страхом.

— Она художник, — медленно, с расстановкой произнёс Кирилл, обращаясь скорее к себе, чем к Денису. — Грязная, растрёпанная, но смотрит прямо. Интересно.

— Смотрит прямо, потому что не знает, кто мы, — хмыкнул Денис, подходя ближе. Он оказался совсем рядом, и Лиза почувствовала его запах — смесь дорогого одеколона, кожи и мужского доминирования. — Но она теперь знает, что мы обсуждали. И может пойти и рассказать кому надо.

— Я никому ничего не расскажу, — процедила Лиза, отступая на шаг. — Мне плевать на ваши дела. У меня своих забот полно.

— Поздно, — сказал Денис, и в его голосе послышались стальные нотки. Он достал из кармана джинсов дизайнерский бумажник, вытащил оттуда визитку и протянул ей. —

Завтра в шесть вечера по этому адресу. Мы обсудим, как ты будешь молчать.

Лиза посмотрела на визитку, как на змею. Это была дорогая бумага, тиснёный логотип. Она не взяла её.

— Я не беру взяток, — сказала она. — И я не продаюсь.

Кирилл тихо рассмеялся. Это был низкий, бархатный смех, который, казалось, вибрировал в воздухе.

— А ты упрямая, — заметил он. — Денис, оставь её. У нас нет времени уговаривать каждую уличную художницу с чувством собственного достоинства.

— У нас есть время, — Денис не убирал руки с визиткой. — Она видела и слышала слишком много. Это вопрос безопасности. Она приедет. Или я найду её сам. Лиза, она ведь Лиза, я прав? — он кивнул на её замызганную сумку, где сбоку было написано маркером её имя.

Лизе стало страшно. Она поняла, что эти двое — не просто «мажоры». Это были хищники. Но она была слишком горда, чтобы показать страх.

— Если вы думаете, что можете меня запугать, вы ошибаетесь, — сказала она, стараясь говорить твёрдо. — Я ничего не видела, ничего не слышала. Просто проваливайте, дайте мне закончить работу.

Денис, смотревший на неё с вызовом, вдруг улыбнулся. Эта улыбка была странной — не злой, а почти... заинтересованной.

— Хорошо, — сказал он, убирая визитку обратно. — Хо-

рошо. Мы не будем тебя пугать. Но мы сделаем тебе предложение, от которого ты не сможешь отказаться. Завтра. Шесть вечера. «Барроуз» на Патриках. Приходи. Если не придёшь, я буду считать это началом войны. А я не люблю проигрывать.

Он развернулся и пошёл к выходу, не оборачиваясь. Кирилл задержался на мгновение. Он посмотрел на неё поверх очков, и в его глазах мелькнула тень уважения, смешанная с чем-то ещё, тёмным и притягательным.

— У тебя руки в краске, — тихо сказал он. — Это красиво. — И он последовал за Денисом.

Лиза осталась одна. Она стояла посреди строительной площадки, дрожа от переполнявших эмоций. Страх, злости, и ещё одного, совершенно неуместного чувства — волнения. Она смотрела на разбитую банку с растворителем, на свои испачканные руки, и понимала, что жизнь её разделилась на «до» и «после». И это «после» было пугающим и манящим одновременно.

Она не знала, чем закончится их встреча, но чувствовала внутри себя странный холодок, который не давал ей покоя. Она сжала кулаки, чувствуя, как засохшая краска трескается на коже.

«Альтушка для двух мажоров, — горько пронеслось у неё в голове. — Вот дерьмо».

Но в глубине души, в той самой тёмной и запретной части, она понимала, что они разбудили в ней что-то, что она сама

в себе не подозревала. Желание быть увиденной. Желание быть нужной. И желание доказать самой себе и им, что она — не просто «альтушка», которую можно купить за деньги.

Глава 2. Шесть вечера в «Барроуз»

Лиза перебирала свой гардероб, и это занятие было сродни пытке. Всё, что у неё было, делилось на две категории: «рабочее, в краске» и «на выход, но всё равно безнадёжно устаревшее». Она стояла перед маленьким зеркалом в своей студии, сжимая в руках единственное платье, которое могло сойти за приличное, — тёмно-синее, из плотного хлопка, с длинным рукавом и скромным вырезом. Оно было куплено три года назад на выпускной в художественной академии, и с тех пор висело без дела.

«Зачем я вообще собираюсь? — мысленно ругала она себя, натягивая платье через голову. — Зачем мне идти к этим наглым мажорам? Они же думают, что я перетрусила и приползу, как собачонка».

Но ноги уже сами несли её к выходу. Она знала, что идёт не из страха. И не из любопытства. Её вело что-то более древнее, более животное — вызов. Она не могла позволить им думать, что сломала её одной фразой. Она хотела посмотреть им в глаза и сказать всё, что думает. А потом развернуться и уйти, оставив их с их деньгами и их пустотой.

«Барроуз» оказался не просто баром. Это был закрытый клуб-ресторан для своих, расположенный в старом особняке в центре Москвы. Вход без приглашения был невозможен. Лиза, подойдя к массивной дубовой двери, почувство-

вала, как её захлёстывает волна неуверенности. Охранник — огромный мужчина в чёрном костюме — окинул её взглядом, оцениваяюще и безразлично.

— Вы к кому? — спросил он.

— Меня пригласили, — сказала Лиза, стараясь не дрожать. — Денис и Кирилл.

Охранник нахмурился, что-то прошептал в микрофон на лацкане, и через минуту кивнул:

— Проходите. Вас ждут в «Кабинете».

Её провели через зал, где за столиками сидели люди, чья одежда стоила больше, чем вся её жизнь. Они не смотрели на неё, но Лиза чувствовала их взгляды на своей спине — холодные, оценивающие, словно она была экспонатом в музее уродства. Она сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони, чтобы не развернуться и не убежать.

Кабинет оказался небольшой комнатой с бархатными диванами, тусклым светом от хрустальной люстры и массивным дубовым столом. За столом сидели они. Денис — развалившись в кресле, с бокалом виски в руке, нагло улыбаясь. Кирилл — аккуратно выпрямившись, с чашкой чёрного кофе, холодный и собранный.

— Проходи, садись, — сказал Денис, не поднимаясь. Его голос звучал расслабленно, но в глазах горел стальной азарт. — Мы уже думали, ты не придёшь.

— Я пришла, чтобы сказать вам, что я не буду молчать, — выпалила Лиза, садясь на краешек стула. Она чувствовала

себя неуклюжей, нелепой в этом платье посреди роскоши. — Я не понимаю, чего вы от меня хотите. Я ничего не слышала. Я просто хочу вернуться к своей работе.

Кирилл отставил чашку и медленно снял очки. Без них его лицо казалось более открытым, почти уязвимым, но глаза — серые, с металлическим отливом — смотрели на неё с такой пристальной внимательностью, что у неё перехватило дыхание.

— Ты слышала достаточно, чтобы доставить нам проблемы, — тихо, размеренно произнёс он. — Ты слышала, как мы обсуждаем сделку, которая не для посторонних ушей. Ты видела нас в момент ссоры. Если ты пойдёшь в прессу или к нашим конкурентам, у нас будут неприятности.

— Я не пойду в прессу! — воскликнула Лиза. — Мне плевать на ваши игры. Я художник, а не журналистка!

— Художник, — усмехнулся Денис, подаваясь вперёд. Его лицо оказалось совсем близко, и Лиза снова почувствовала его запах — смесь дорогого дерева, дыма и мужского тела. — Художник, который рисует заборы и подъезды за копейки. А мы можем сделать из тебя звезду. Мы можем дать тебе деньги, славу, выставку. Всё, о чём ты мечтаешь.

Лиза хотела возразить, но слова застряли в горле. Он говорил правду. Они могли. Она знала их репутацию — они спонсировали половину культурных мероприятий в городе. Если они захотят, они сделают её имя известным за одну ночь. Но цена...

— Я не продаюсь, — прошептала она, но голос её дрогнул.

— Мы не предлагаем тебе продаться, — сказал Кирилл, и в его голосе послышалась мягкость, которой Лиза не ожидала. — Мы предлагаем тебе сделку. Ты напишешь наши портреты для ежегодного благотворительного аукциона. Мы заплатим тебе гонорар, который покроет твои расходы на год. Ты получишь известность. А мы — получим то, что хотим.

— И что вы хотите? — спросила Лиза, чувствуя, как её сердце начинает биться быстрее.

— Чтобы ты молчала, — отрезал Денис, но его взгляд скользнул по её лицу, по шее, по линии плеч, и в этом взгляде было что-то большее, чем просто деловой интерес. — И чтобы ты была рядом. Ты интересная, Лиза. С тобой не скучно.

— Я не игрушка, — огрызнулась она, чувствуя, как краска заливает щёки.

— Никто не говорит, что ты игрушка, — вмешался Кирилл. — Мы говорим о работе. Ты профессионал, мы видели твои наброски на стене. У тебя талант. Мы хотим, чтобы ты показала его миру. А заодно — помогла нам.

Лиза задумалась. Она смотрела на них — двух совершенно разных мужчин, которые смотрели на неё с одинаковой смесью вызова и вожделения. Она понимала, что это ловушка. Но она также понимала, что это её шанс. Единственный шанс вырваться из этого круга серости и нищеты.

— Сколько? — спросила она, и голос её прозвучал сухо. Денис назвал сумму. Лиза почувствовала, как у неё закру-

жила голова. Это были огромные деньги. За эти деньги она могла арендовать мастерскую, купить дорогие краски, организовать свою выставку. Это была свобода.

— Хорошо, — сказала она, стараясь, чтобы голос не выдал её волнения. — Я согласна. Но у меня есть условия.

— Какие? — приподнял бровь Кирилл.

— Я пишу вас так, как я вижу. Без прикрас. Я не буду делать вас красивее, чем вы есть. И я не буду с вами спать, — выпалила она, глядя прямо в глаза каждому из них по очереди.

Денис расхохотался. Это был громкий, искренний смех, который, казалось, вырвался из самой глубины его души.

— Ох, Лиза, — сказал он, вытирая слёзы, — ты даже не представляешь, как ты нам нравишься. Хорошо. Никакого секса. Только работа. Но я хочу, чтобы ты знала: ты идёшь на риск. Мы опасны.

— Я тоже, — сказала Лиза, и в этот момент она почувствовала внутри себя неведомую силу.

Кирилл смотрел на неё, и в его глазах промелькнула тень уважения. Он поднял бокал с водой, которую до этого не пил.

— За сделку, — произнёс он. — И за то, чтобы эта сделка принесла нам всем то, что мы ищем.

Они чокнулись. Лиза почувствовала, как электричество пробегает по её пальцам, когда её стакан коснулся его стакана. Она перевела взгляд на Дениса, и тот смотрел на неё с неприкрытым голодом. Она поняла, что только что заклю-

чила сделку с дьяволом. Но она также поняла, что это было самое захватывающее приключение в её жизни.

Разговор за столом перешёл на детали: сроки, место, концепция портретов. Лиза слушала вполуха, потому что всё её существо было сосредоточено на том, что происходило между ними тремя в этом маленьком кабинете. Каждый взгляд Дениса обжигал её кожу, каждое слово Кирилла проникало под кожу, как игла. Она чувствовала себя в центре урагана, и этот ураган назывался желанием.

Когда она поднялась, чтобы уйти, Денис схватил её за руку. Его пальцы были горячими, сухими, и их прикосновение обожгло её запястье.

— Ты не пожалеешь, — сказал он тихо, почти шёпотом, наклоняясь к самому её уху. — Мы сделаем тебя счастливой, Лиза. Или сделаем тебя несчастной. Но ты никогда не будешь прежней.

Она вырвала руку и, не оборачиваясь, вышла из кабинета. Только когда она оказалась на улице, в холодном осеннем воздухе, она позволила себе выдохнуть. Её тело дрожало, сердце колотилось, а между ног пульсировало странное, тянущее тепло, которое она не могла объяснить.

Она знала, что лжёт самой себе. Она не боялась их. Она боялась того, что они пробуждали в ней. Желание. Голод. Смелость. И она боялась, что если позволит себе упасть в эту пропасть, то уже никогда не сможет выбраться.

Глава 3. Первый мазок

Лиза провела бессонную ночь. Она ворочалась на узком диване, сжимая в руках подушку, и перед глазами у неё стояли две пары глаз — тёмные, шальные у Дениса и холодные, пронзительные у Кирилла. Они смешивались в её голове, создавая странный коктейль из страха, злости и томления, которое она отказывалась признавать даже самой себе. Каждый раз, когда она закрывала глаза, она чувствовала на своём запястье горячие пальцы Дениса, слышала его шёпот у самого уха: «Ты никогда не будешь прежней». И от этих слов у неё внутри разливался жидкий огонь.

К утру она поняла, что не может больше ждать. Она встала, накинула старый халат, заварила крепкий кофе и принялась готовить мастерскую. Её студия — маленькая, заваленная холстами, этюдниками, банками с кистями и тюбиками краски — никогда не видела таких гостей. Она вымела пыль, разложила инструменты, натянула на подрамник огромный холст, который купила несколько месяцев назад в предвкушении «большого проекта», но так и не решилась на него. Теперь пришло время.

Она выбрала место у окна, где свет падал мягко, рассеянно, чтобы подчеркнуть текстуру кожи и глубину теней. Она не знала, как именно будет их писать — по отдельности или вместе, в одной композиции. Но внутри неё уже рождался

образ: два мужских силуэта, стоящих спиной друг к другу, но связанных невидимой нитью. Или, может быть, она напишет их смотрящими друг на друга, как в зеркало, где каждый видит в другом свою тёмную половину. Мысли путались, но руки уже привычно смешивали охру с умброй, добавляли каплю киновари для теплоты.

Звонок в дверь раздался ровно в десять утра, когда Лиза ещё была в своей рабочей одежде — старых джинсах с прорехой на колене и свободной белой рубашке, которая была перепачкана краской ещё до того, как она начала работать. Она открыла дверь, и на пороге стояли они. Оба.

Денис был одет в чёрную водолазку, обтягивающую его широкие плечи и рельефную грудь, и тёмные брюки. Он держал в руках букет полевых цветов — нелепый, небрежный, но почему-то пронзительно трогательный. Кирилл, как всегда, был безупречен: серый свитер из тонкой кашемировой шерсти, серые брюки, идеальный пробор. Он нёс бутылку дорогого вина и коробку конфет.

— Это что? — спросила Лиза, глядя на их подношения с подозрением.

— Мы пришли не с пустыми руками, — усмехнулся Денис, входя в мастерскую без приглашения. Он обвёл взглядом её жилище, и Лиза увидела, как в его глазах на мгновение мелькнуло удивление, почти восхищение. — У тебя здесь... атмосферно. Как в пещере художника.

— Или в берлоге, — сухо заметил Кирилл, переступая по-

рог. Он снял очки и протёр их, оглядывая стены, увешанные эскизами и набросками. Его взгляд задержался на одном из рисунков — обнажённая женская фигура, изогнутая в танце, написана быстрыми, уверенными линиями. — Это твоя работа?

— Моя, — коротко ответила Лиза, чувствуя, как её щёки начинают гореть. Ей вдруг стало стыдно за свою бедность, за этот беспорядок, за то, что они видят её настоящую. — Но мы здесь не для того, чтобы обсуждать мои старые работы. Мы здесь для того, чтобы начать.

Денис небрежно бросил цветы на стол, заваленный кистями, и подошёл к огромному холсту. Он провёл пальцем по натянутой поверхности, оставляя едва заметный след.

— Большой, — сказал он. — Мы будем на нём вдвоём?

— Я ещё не решила, — честно призналась Лиза. — Может быть, по отдельности. Может быть, вместе. Всё зависит от того, что я увижу в вас.

— И что ты видишь? — спросил Кирилл, садясь на старый деревянный стул, который протестующе скрипнул под его весом.

Лиза взяла в руки уголь и подошла к холсту. Она повернулась к ним лицом, и её взгляд скользнул по их лицам, по их рукам, по тому, как они сидят — расслабленно и напряжённо одновременно.

— Я вижу двух мужчин, которые боятся, — сказала она, и её голос прозвучал твёрже, чем она ожидала. — Денис боит-

ся, что его сочтут слабым, поэтому он надевает маску циника. Кирилл боится, что его сочтут таким же, как отец, поэтому он надевает маску интеллектуала. Вы оба бежите от себя.

В комнате повисла тишина. Денис перестал улыбаться. Его челюсти сжались, и в глазах мелькнула тень злости.

— Ты слишком много о нас знаешь, — медленно произнёс он. — Это опасное знание.

— Я художник, — спокойно ответила Лиза, не отводя взгляда. — Моя работа — видеть то, что другие прячут. Если вас это не устраивает, вы можете уйти. Деньги мне не нужны.

Кирилл тихо рассмеялся. Он поднялся со стула и подошёл к ней. Его шаги были бесшумными, но Лиза чувствовала его приближение всем телом — как приближение бури.

— Ты смелая, — сказал он, останавливаясь в шаге от неё. — Но смелость часто граничит с безрассудством. Ты знаешь, что я тоже не люблю, когда меня читают, как открытую книгу?

— Тогда закрой свою книгу, — парировала Лиза. — Сядь вот там, на табурет, и смотри прямо на меня. Денис, ты — напротив. Я хочу увидеть, как вы смотрите друг на друга, когда думаете, что я вас не вижу.

Они переглянулись. В их взглядах было что-то, что Лиза не могла расшифровать — многолетнее соперничество, уважение, ненависть, и ещё что-то тёплое, почти нежное. Они послушно сели — Денис на старый табурет с отломанной ножкой, который он подпёр книгой, Кирилл на деревянный

ящик из-под красок. И замерли.

Лиза начала рисовать. Она работала быстро, уверенно, оставляя на холсте широкие, размашистые линии углём. Она рисовала не лица — она рисовала ауру, напряжение, которое витало между ними. Денис сидел, широко расставив ноги, его руки лежали на коленях, сжатые в кулаки. Он смотрел на неё с вызовом, но Лиза видела, как его дыхание становится глубже, когда она переводит взгляд на его руки, на его шею, на линию челюсти. Кирилл сидел неподвижно, как изваяние, его глаза следили за каждым её движением, и она чувствовала его взгляд на своей коже — физически, почти осязаемо.

— Ты не отводишь взгляд, — заметил Денис, нарушая тишину. Его голос звучал хрипло. — Большинство людей отводят взгляд, когда я смотрю на них так.

— Я не большинство, — ответила Лиза, не останавливая руку. — Я смотрю на тебя, потому что я должна видеть твою суть. А ты пытаешься меня напугать.

— И у меня получается? — спросил он, и в его голосе послышался вызов.

— Нет, — сказала Лиза. — Ты пытаешься напугать, но я чувствую только... интерес. Ты похож на ребёнка, который шумит, чтобы его заметили.

Денис усмехнулся, но в его усмешке не было злости. Скорее, в ней было удивление.

— Ты первая, кто говорит мне это прямо в лицо, — сказал он. — Обычно все боятся.

— Я не боюсь, — сказала Лиза, хотя сердце её колотилось как бешеное. — Я здесь, чтобы делать свою работу.

— Ты здесь, чтобы спасти себя, — тихо произнёс Кирилл, и его голос проник в неё, как холодная игла. — Ты думаешь, что сможешь использовать нас для своей выставки. Что мы — просто трамплин. Но ты ошибаешься, Лиза. Мы не трамплин. Мы — водоворот. И если ты позволишь себе упасть в нас, ты уже не выплывешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.